

Формирование нового менталитета русскоязычных корейцев (1990–2014)

Сон Ж.Г.

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики
Москва*

Аннотация: В сообщении рассматривается эволюция менталитета русскоязычных корейцев, проживших на территории России 150 лет. Несмотря на трагические страницы истории, они сохранили свою культуру. За этот период под влиянием внешнеполитических, социально-экономических факторов, не зависимо от них, корейский менталитет неоднократно трансформировался. Демократические преобразования российского общества, реабилитация репрессированных народов позволила корейцам получить свободу как внутреннюю, так и внешнюю, прежде всего, они избавились от клейма «японский шпион».

События, происходящие после распада СССР, выявили, что направление развития общества, определенные Конституцией Российской Федерации (1993), а также Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации (1996) и другими нормативно-правовыми актами российского государства, не достаточны для обеспечения стабильности мира и спокойствия в многонациональном государстве. Очевидно, для решения этих задач необходимо на практике сформулировать, прежде всего, толерантное отношение между этническими общностями, населяющими территорию России, к истории страны.

Несмотря на усилия, направленные со стороны Президента и Правительства Российской Федерации, к стабилизации и поиску эффективных управленческих решений, в российском обществе наблюдается эгоцентризм, общественная деморализация, коррупция, использование служебных полномочий властью, потребительское отношение, деградация общества. Настал период, когда актуальными стали вопросы о национальной идее, способной объединить народ, любви к Родине, патриотизме, традициях старших поколений и т.д. Для решения

этих сложных вопросов в многонациональной России, для выработки определенной концепции, направленной на сплочение российских народов и сохранения ментальной целостности, необходимо, на наш взгляд, изучить особенности менталитета каждого отдельно взятого народа, который можно рассматривать как связующее звено на пути к диалогу и гармонизации межэтнических отношений.

Проблемы специфики формирования и поддержания социальной и этнической идентичности, выявление роли миграционных процессов в трансформации этнического менталитета, управления этнополитическими конфликтами, поиска культурной идентичности и современных тенденций социокультурных и межкультурных коммуникаций остаются актуальными.

Все вышеизложенные проблемы относятся и к русскоязычным корейцам, проживающим на территории России. Анализ эволюции содержания концепта «русскоязычный кореец», а именно формирование нового менталитета в условиях изменяющейся российской действительности, позволит выявить изменения в самосознании и национальном сознании.

После распада СССР опубликовано значительное количество трудов, посвященных истории проживания корейцев на территории России на протяжении 150 лет. Интерес к истории русскоязычных корейцев ученых-историков, обществоведов, социологов и не только отечественных, но и зарубежных настолько велик, что порой, возникает справедливый вопрос: Каковы причины столь пристального внимания к этой этнической общности, имеющей свою численность всего около полумиллиона человек на постсоветском пространстве? Почему русскоязычных корейцев называют «самой адаптированной этнической общностью»?

Анализ предложенной темы, невозможен без анализа предыстории появления корейцев на российской земле, их адаптации в русскую культуру, начиная с 1864 года. Корейцы, пережившие вместе со всеми народами России одну историю, принимавшие активное участие в государственном строительстве

на всех исторических этапах XX века, подверглись коренной переоценке традиционных норм, каждый переломный период в истории России трансформировал их менталитет и самосознание.

Известно, что менталитет складывается на основе общего исторического, культурного, социального и экономического развития той или иной общности, проживающей в едином социокультурном пространстве. Жизнь в России трансформировала систему взаимоотношений в обществе, характерную для корейской культурной традиции. Они восприняли правила игры, которые предлагала, а иногда и навязывала им социально доминирующая группа [2]. Сначала это были нормы, ценности, установки русской культуры, затем, шире, советской, в какой-то степени попытавшейся объединить народы, населяющие нашу страну. Важно отметить, что корейцы не отказались полностью от некоторых, важных для выживания элементов традиционной социальной структуры и соответствующей ей отношений.

Историография рассматриваемой темы стала активно разрабатываться в последнее десятилетие. Проблема менталитета отдельно взятой этнической общности, самоидентификации и этнической идентичности стала актуальной в связи с обострением межэтнических отношений, проблемой консолидации и гармонизации, не только в центральной части России, но и в регионах.

Исследователи обращались главным образом к вопросам этнической идентичности, самоидентификации русскоязычных корейцев, социологической направленности, непосредственного взаимодействия и проявления на практике в местах компактного и дисперсного проживания корейцев в России. Такими регионами в настоящее время являются Ростовская, Волгоградская области, Северный Кавказ, Дальний Восток, остров Сахалин.

Однако выводы исследователей не имеют единой концепции, более того, их выводы различны и имеют дискуссионный характер. Мнения авторов сходятся в одном, «депортация самым пагубным образом отразилась на культурном развитии этноса» [Там же. С. 29].

Т.В. Волкова справедливо отмечает, что «именно пассивность государства в решении проблем репрессированных народов в сочетании с присущей корейцам прагматичностью и склонностью к индивидуализму подталкивали их к ассимиляции и ориентировали на достижение стабильного положения в обществе».

Несмотря на трагические страницы истории, связанные с насильственным переселением корейцев с территории советского Дальнего Востока в Казахстан и Республики Средней Азии, советские корейцы считали своей второй родиной Россию (Союз ССР). К концу 1930-х годов это уже были корейцы, со сложившимся менталитетом советского человека, готовые в любой ситуации защищать свое Отечество [1].

Это было характерно и в Царской России, когда идея о торжественном праздновании юбилейной даты – 50-летие добровольного переселения корейцев в районы Приморья Дальнего Востока России, была одобрена генерал-губернатором Приамурья Н. Гондатти [7], но в связи с началом Первой мировой войны была отменена. С одной стороны, признание царской России, с другой, огромное желание корейцев жить на этой земле, готовность к ассимиляции в русскую культуру свидетельствуют о национальном характере корейцев, о его адаптационной легкости и приживаемости в любых условиях.

Корейцы, как в условиях царизма, так и в советское время показали себя трудолюбивыми крестьянами, продолжали вносить ощутимый вклад в развитие сельского хозяйства ДВК. Они активно участвовали в установлении советской власти на Дальнем Востоке, освобождении края от иностранных интервентов. После установления советской власти корейцы-коммунисты наравне с русскими-коммунистами участвовали в советизации края (занимали руководящие должности фактически во всех органах государственной власти на местах).

Тяжелое политическое и экономическое положение в конце 1920 – начале 1930-х годов в регионе, связанное с коллективизацией, саботажем и волнениями крестьян, допускаемыми искривлениями в национальной политике привели на

окраинах к острой межэтнической розни, ослабили позиции советской власти. Для ее укрепления требовались профессиональные кадры, пропагандисты. На этом этапе внимание компартии переключалось на подготовку организаторов партийной и советской работы. Осуществлялся переход к тотальному контролю.

До 1934 г. советские партийные школы окончили 388 корейцев. Выпускники этих школ направлялись в партийные организации предприятий, сельскохозяйственные и рыболовецкие колхозы, пропагандистами в партийные районные комитеты, машинотракторные станции (МТС), в политические отделы совхозов и в культурно-просветительные учреждения. Все эти меры содействовали укреплению идеологии партии на местах.

В период с 1931 по 1937 гг. по решениям бюро Далькрайкома ВКП(б), Хабаровского, Амурского, Уссурийского, Зейского, Камчатского, Нижне-Амурского, Еврейского и Сахалинского обкомов ВКП(б) на должности инструкторов обкомов и райкомов было назначено более 400 корейцев [10]. Выпускники коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) в количестве 352 человек [Там же] были распределены на работу в различные партийные и советские органы власти. В этот же период назначались 14 корейцев – народными судьями и 4 – прокурорами и заместителями прокуроров [Там же] в районы компактного проживания корейцев, 80 – председателями сельсоветов и колхозов, 51 – директорами МТС, 49 – директорами школ, учителями и культработниками. Безусловно, корейцы были активными участниками всех сфер жизнедеятельности Дальневосточного края. Практически во всех протоколах заседаний бюро Далькрайкома ВКП(б) содержится материал о назначениях корейцев во всех сферах национально-государственного и советского строительства в крае (См. табл.).

Коммунисты, исключенные из партии, назначенные на должности инструкторов, народных судей, прокуроров, помощники прокуроров, учителя, председатели колхозов. 1935–1937

Районы ДВК (обкомы)	Исключенные из ВКП(б)	Восстан., «чистка» в ВКП(б)	Дополн. провер.	Инструктора обкомов, райкомов	Народ. судьи	Прокуроры помощн. прокурора	Директора школ, культраб., учит.	Председ. к/хоз., РИКов	Дирек. МТС	Учащиеся КУТВ, пропагандисты
Приморский	262	237	52	120	(с 1931) 5	(1931) 3	17	13	27	139
Хабаровский	45	21	12	16			5	7	3	3
Амурский	12		2	11				5	2	4
Уссурийский	114	49	21	129	6	1	16	34	14	200
Зейский	3	1	7	2				1		
Камчатский	2			3					1	
Нижне-Амурский	7	2		4	1		1		1	
Еврейский	15	17	10	21			6	12	2	1
Сахалинский	46	45	5	18			2	8	1	3
Итого	527	403	111	341	14	4	49	80	51	352

Источник: РГАСПИ. Ф. 17, оп. 21, д. 5419 – 5431, д. 5459-5471, д. 5467 – 5486, д. 5513 – 5528, д. 3638 -3668, д. 5563 – 5565, д. 5569 – 5572, д. 5576 – 5588, д. 5595-5604, д. 1174-1207, д. 5545-5553, д. 5612-5628.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что корейцы во второй половине 1930-х годов все больше приобретали влияние в политической и общественной жизни Дальневосточного края, занимали относительно прочные позиции в партийной системе, государственной, производственной и в сфере образования. Казалось бы, пользовались доверием и уважением. Тем не менее, уже в скором времени эта политика по отношению к этнической общности сменится коренным образом.

1920-1930-е гг. для советских корейцев являются периодом коренной трансформации самосознания, изменений в менталитете. В сложной этнополитической ситуации на Дальнем Востоке на фоне проявлений со стороны других этносов национализма и шовинизма по отношению к «восточникам», корейцы смогли утвердиться как этническая общность, отстаивая свои национальные интересы наравне с другими народами Союза ССР.

Советская власть использовала все меры для изживания традиционных обычаев и обрядов у корейцев. Национальные корейские праздники использовались для политической и антирелигиозной агитации. Были запрещены все традиционные корейские праздники, остались сугубо семейные: рождение ребенка, свадьба, 60-летний юбилей и похороны.

Среди множества архивных документов привлекают внимание два постановления бюро Приморского обкома ВКП(б) о работе корейского Пединститута от 15 декабря 1934 г. [10] и о корейском и китайском театрах от 25 сентября 1935 г. [Там же]. Оба документа констатируют особую роль и значение в организации, и заинтересованность советского руководства в дальнейшем развитии образовательного и культурного центров в Дальневосточном крае для корейцев. Однако все это проводилось по большей части в целях стабилизации международной обстановки на Дальнем Востоке. Советское руководства всеми средствами стремилось продемонстрировать Японии, что корейцы в Советском Союзе живут благополучно, активно участвуют в общественно-политической, хозяйственно-экономической и культурной жизни страны.

На фоне общего сопротивления сталинскому режиму в 1920–1930-х гг. на Дальнем Востоке (многочисленные восстания казачества, раскулачивание крестьян, огромное количество недовольных переселенцев) корейское население оказалось стабильным, законопослушным, не совершало открытых действий против власти, предпочитая, уход за границу. Основная масса корейского населения была настроена, в отличие от китайцев, на постоянное проживание на российской земле.

Тяжелые потери интеллектуальной элиты произошли в ходе массовых сталинских репрессий. Им подверглась практически вся корейская интеллигенция на Дальнем Востоке, корни которой уходили в далекие 1860-е годы, а к середине 1930-х годов она имела определенный уровень и достигла значительных успехов.

Из общего числа жертв сталинского террора корейской национальности (6385) выявлены учащиеся высшей и средней школы – 292 (4, 6 %); преподаватели вузов, втузов, научные работники, учителя школ – 277 (4, 3 %), большая часть из них были учителя корейского языка; ИТР – 140 (2, 2 %); сельская интеллигенция (агрономы, зоотехники и др.) – 24 (0, 4 %); врачей и среднего медицинского персонала – 36 (0, 6 %); деятели искусства (артисты, писатели, художники, музыканты) – 31 (0, 5 %); служители культа – 5 человек.

В условиях тотального террора и преследований интеллигенции данных об образовании, специальности, принадлежности к социальной группе 957 корейцев (15 %) в архивных делах не имеется. Под страхом разоблачения отдельные корейцы-интеллигенты давали неточные сведения, называя себя рабочими или колхозниками, «чернорабочими» или «землепашцами». Например, из архивно-следственного дела Ли Вонсу и его личного дела, хранящегося в архиве Коминтерна [10] свидетельствует, что с 1924 по 1936 гг. он работал токарем [9], а на допросах в 1938 г. в Управлении НКВД по Орджоникидзевскому (Ставропольскому) краю он называет себя колхозником-рисоводом [8], хотя на самом деле его официальная специальность – переводчик с корейского языка. Таких примеров, когда арестованные давали о себе ложные сведения, было много.

Среди репрессированных значительное количество граждан составляли преподаватели вузов, научные работники, учителя школ (более 277 человек).

Учителя во все времена и у всех народов считались самыми уважаемыми людьми в обществе. И для советских корейцев на ДВК учитель традиционно пользовался большим уважением, поскольку зачастую только он владел русским языком. Среди репрессированных корейцев (6385) в России родились 1829 человек, остальные – уроженцы разных провинций Кореи (3984). Из этого следует, что только 1/3 корейского населения, родилась в России, более или менее понимала и могла изъясняться на русском языке, остальные изучали его как иностранный язык. Для корейцев ДВК незнание русского стало главной проблемой при советизации края.

В корейских деревнях и селах учитель являлся связующим звеном между народом и советской властью. Обычно он всегда был членом сельсовета или райсовета, помогал решать межэтнические проблемы на бытовом уровне, от имени крестьян готовил обращения в органы власти и т.д. Естественно, когда пришло известие о депортации, корейцы в деревнях и селах в первую очередь шли к учителям, чтобы они разъяснили им причину столь жестокого для народа приказа. Учителя одни из первых обращались в местные органы с требованиями объяснения причин незаконной акции по отношению ко всем корейским гражданам, но их за это арестовывали за антисоветскую агитацию [4].

Студенты, учителя, ученые, инженеры, врачи, деятели искусства составляют 12, 2 % всех арестованных. Интеллектуальная основа корейского общества была беспощадно уничтожена. И в условиях современности трудно соизмерить тот ущерб, который был нанесен корейскому сообществу во время государственного террора. Вместе с ними исчезли корейская культура, сократилось распространение корейского языка. Была подорвана основа формирования национального сознания.

Оказавшись после 1937 г. в экстремальных условиях, корейцы вынуждены были выбирать стратегии выживания и адаптации. Выбор осуществлялся как на

коллективном, так и на индивидуальном уровне. Характерной особенностью советских корейцев на протяжении 150 лет проживания на российской земле является создание позитивного образа корейского народа.

В годы Великой Отечественной войны уже после официального обвинения всего корейского народа в «японском шпионаже» и принудительного переселения, многие корейцы просились на фронт, а некоторые попадали туда под чужими именами и фамилиями. Благодаря кропотливому труду коллектива авторов Д.В. Шина, Б.Д. Пака, В.В. Цоя выявлены имена 372 корейцев – участников ВОВ [6].

1950-е годы характерны трудовыми достижениями корейских колхозов. Слава о трудовых подвигах корейцев гремела на всю страну, сотни корейцев получили звание Героев социалистического труда. В Средней Азии появились знаменитые корейские колхозы-миллионеры, благодаря трудолюбию и стремлению быть не хуже других, благосостояние корейцев постоянно росло. Другими словами, все усилия были направлены на общественное признание и экономическое процветание в условиях колхозного коллективного труда.

История русскоязычных корейцев доказывает, что их деятельность была направлена на реализацию двух основных жизненных стратегий, которые фактически сохраняются до настоящего времени. Это «путь вверх» через получение образования и освоение определенной экономической ниши. Нельзя отрицать, что обе стратегии опираются на систему ценностей, заложенную конфуцианской этикой (трудовое воспитание и стремление к образованию). Культурным основанием для последней стала традиционная для корейцев форма земледелия, предполагающая работу на небольших площадях силами малого коллектива людей – нуклеарной семьи и ближайших родственников [2].

Казалось бы, корейцы в СССР заняли свою достойную нишу в полиэтничном государстве, по сути доказали преданность своей второй родине. Однако в конце 1980-х–1990-е гг., отмеченные коренными переменами в жизни бывшего Союза ССР, русскоязычным корейцам, как и многим народам бывшего Союза ССР пришлось выживать самостоятельно.

Демократические преобразования, начатые после распада Союза ССР, привнесли новые изменения в менталитете русскоязычных корейцев. На наш взгляд эти изменения имеют как положительные, так и отрицательные стороны.

Нельзя считать положительным изменением раскол некогда считавшимся одним «советским народом» – корейцев всего постсоветского пространства, они стали делиться на «казахстанских», «узбекских», «российских», «сахалинских». В этой связи было бы правомерным дать одно общее определение – «русскоязычные корейцы», объединяющее корейцев всего постсоветского пространства, поскольку для большинства корейцев русский язык является основным, мы говорим, думаем, пишем на этом языке.

Сетования ученых-корееведов Казахстана и Узбекистана, Г.Н. Кима и В.С. Хана[5], об отсутствии консолидации внутри корейского общества, говорят о том, насколько неизбежны и глубоки глобализационные процессы, активно внедрившиеся на постсоветское пространство в последнее двадцатилетие. Хотя та самая консолидация, о которой отмечают ученые, наблюдавшаяся в советское время, имела свои причины. Принудительно переселенные в чужие края корейцы должны были сплотиться, чтобы выжить в чужой культуре, почему в корейских колхозах так трепетно старались сохранить свою культуру, культуру «корё сарам». И те негативные моменты разобщенности, и исчезновение той самой консолидации, обвинения в адрес всей русскоязычной общности, говорят о том, что «корё сарам» получили не только внутреннюю свободу, но и внешнюю. На протяжении 70 лет, трудившиеся на благо СССР, жившие с постоянной оглядкой, вдруг кто-то скажет, что ты «японский шпион», сегодня живут свободно, с чувством собственного достоинства.

Необходимо отметить, сравнивая этнополитическую ситуацию в России и странах СНГ, в частности, Узбекистане, Казахстане, Киргизии, русскоязычные корейцы в этих государствах вновь стоят перед очередной сложной задачей адаптации к новым условиям проживания в этих странах. А именно – переход от ставшего родного русского языка к иному государственному языку, тем самым

проявляя уважение национальных чувств доминирующего этноса, его истории и культуры.

Другая, немаловажная проблема – это социально-экономические трудности этих государств, вынуждают русскоязычных корейцев мигрировать на территорию Российской Федерации в поисках заработка и языкового равенства. Казалось бы, они возвращаются на историческую родину, но и здесь они испытывают трудности этнического характера, возникают проблемы межэтнических отношений.

Социологические исследования проводились в Тюменском государственном университете под руководством профессора И.С. Карабулатовой на тему: «Обобщенный социально-психологический портрет российского корейца в современном массовом сознании тюменцев». Результаты эксперимента представляют научный интерес, образ российского корейца был исследован путем выделения когнитивной, социальной и индивидуально-личностной характеристик [3]. Подобное социологическое исследование в отношении корейцев было проведено впервые и важной особенностью представляемого портрета является отношение к корейскому этносу и оценка.

Социальный аспект выражается в характеристике положения корейцев в обществе, а индивидуально-личностный заключается в рассмотрении психологических особенностей отдельных представителей этноса. Исследование проводилось среди корейцев-мигрантов, приехавших из стран СНГ. Образ современного российского корейца, существующий в настоящее время в тюменском обществе, является, по мнению исследователя, сложно организованным феноменом, где присутствуют различные параметры.

Корейская сдержанность, фантастическая работоспособность, скрупулезность и тщательность – основные характеристики портрета современного корейца, отмечает автор, зачастую вызывают некий культурный конфликт между славянскими этносами и восточными, которые воспринимаются как неискренние. Незнание особенностей корейской культуры приводит к

отчужденному отношению со стороны представителей славянских этносов, проживающих в Тюменской области [3].

Этот пример наводит на мысль, что русскоязычные корейцы, вопреки рассуждениям исследователей о потере этнической идентичности, о полной ассимиляции, потере национального сознания, несут в себе свою культуру и в пятом и в шестом поколениях. Основой корейского менталитета во взаимоотношениях с другими народами является стремление к компромиссу, избегание открытой конфронтации, даже, несмотря на невыносимые условия проживания в прошлом.

Внутренний мир корейца-гражданина, формируется под влиянием двух культур народов – русского и корейского в постоянном общении и взаимосвязи с культурами других этнических общностей, населяющих Российскую Федерацию. Культура корейского народа вплетается отдельным звеном в этот венок культур многонационального государства, становится богаче и доступнее для других этнических общностей России [1].

Менталитет русскоязычных корейцев представляет собой сложный феномен, неоднократно подвергавшийся трансформациям в течение 150 лет, не по доброй воле, а в силу общественно-политических изменений, происходивших в России. Корейцы, вынужденные выбирать стратегии выживания и адаптации, как на коллективном, так и на индивидуальном уровне, ориентировали себя на достижение стабильного положения в обществе.

Мировоззренческий комплекс русскоязычных корейцев уникален, поскольку включает в себя на генетическом уровне базовые ценности корейской культуры и через русскую приобщен к мировой культуре, отвечающий вызовам времени и гармонично вписывающийся в процессы глобализации.

Литература:

1. *Бугай Н.Ф.* Корейцы стран СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI века). М., 2007. С. 29.
2. *Волкова Т.В.* Российские корейцы: к вопросу о самоидентификации // Этнографическое обозрение, 2004 г., № 3. С. 29-40.
3. *Карабулатова И.С.* Обобщенный социально-психологический портрет российского корейца в современном массовом сознании тюменцев // Корейцы в Тюменском крае. Сборник материалов научной конференции, посвященной 140-летию переселения корейцев Россию и 75-летию Тюменского государственного университета. Тюмень, 2005. С. 16, 17.
4. Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938 гг. / Автор и сост. С.Н. Ку-Дегай. Кн. 1–14. М., 2000–2009.
5. *Хан В.С., Ким Г.Н.* Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://koryo-saram.ru/ura-novy-j-sajt/>
6. *Шин Д.В., Пак Б.Д., Цой В.В.* Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945гг. М., 2011.
7. *Юн Санвон.* Торжества по случаю 50-летия переселения корейцев в Россию // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.arirang.ru/>
8. Архив ФСБ Ставропольского края. Арх. дело № 26517.
9. Запись акта о рождении № 06119 от 21 декабря 1936 г.
10. Протоколы заседаний секретариатов и бюро крайкомов Дальневосточного, Уссурийского, Амурского, Зейского, Сахалинского, Хабаровского обкомов. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17, оп. 21, д. 5419–5431, д. 5459–5471, д. 5467–5486, д. 5513–5528, д. 3638–3668, д. 5563–5565, д. 5569–5572, д. 5576–5588, д. 5595–5604, д. 1174–1207, д. 5545–5553, д. 5612–5628; Ф. 495, оп. 228, д. 558, л. 2–8об.